

International Center
for Russian
and East European
Jewish Studies

History and Culture of Russian and East European Jewry: New Sources, New Approaches

Proceedings
of the International Conference,
Moscow, December 8-10, 2003

Edited by

Oleg Budnitskii, Konstantin Burmistrov,
Alexandr Kamenskii, Victoria Mochalova

Moscow 2004

Международный
исследовательский центр
российского
и восточноевропейского
еврейства

История и культура российского и восточноевропейского еврейства: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Материалы международной
научной конференции
Москва, 8-10 декабря 2003 г.

Под редакцией

О.В.Будницкого, К.Ю.Бурмистрова,
А.Б.Каменского, В.В.Мочаловой

Москва 2004

ПИСЬМА ОДЕССКИХ ВЫМОГАТЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОДЕССЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Илья Владимирович Герасимов

Журнал «Ab Imperio»

1. Из эпистолярного наследия уголовной Одессы

В конце 1914 – начале 1915 г. Одессу захлестнула волна шантажистских писем: обыватели в разных районах города едва ли не ежедневно начали получать письма с угрозами и требованиями крупных сумм денег. Массовая преступность неожиданно обрела форму письменного слова, создавая нарратив самоописания и саморепрезентации; прежде описание и интерпретация преступных деяний были прерогативой репортеров и полиции. Казалось, что «язык преступного мира» записывался самими налетчиками и, минуя посредничество газетчиков и юристов, становился достоянием широкой публики. Теперь все было готово к появлению художественных произведений, осваивающих новое языковое пространство и социальную реальность, придавая популярной в Одессе теме налетчиков статус общенационального мифа: писателям оставалось лишь заговорить на языке, который приобрел самостоятельный статус после того, как был записан его носителями. Именно это и произошло всего через несколько лет, когда благодаря Исааку Бабелю и Константину Паустовскому, Илье Ильфу и Евгению Петрову, Вениамину Каверину и Леониду Утесову появился миф о бравых одесских налетчиках. Как и положено, миф преобразует и расцветивает породившую его реальность, однако подлинные послания одесских вымогателей ничуть не уступают в экспрессии сочному слогу персонажей Бабеля.

Итак, 15 января 1915 г. потомственный почетный гражданин Николай Петрович Расторгуев получил письмо с угрозами: «Ба-

рон миллионеров, мы ждали товарища свободы. Но увы, теперь тебе позорная смерть – жди». (Скорее всего, письмо отправили сообщники налетчика Григория Григораша, которого накануне осудили на 3,5 года за налет на квартиру Расторгуева 18 января 1914 г.) В тот же день Рувин Аронович Биргер получил письмо от кружка «анархистов-коммунистов» с требованием 25 рублей и угрозами в адрес двух его сыновей. И в этот же день Борух Мойсеевич Аронберг представил в полицию письмо, полученное им накануне:

13 января 1915 года. Господин Борис Аронберг чего вы не положили под лестницей где лавка деньги, лучше вы положите а то будет плохо если вы хотите положить то положите 5 ч. января я вам одно письмо написал, чтобы вы положили 100 руб. а иначе мы вас уьем и ограбим. С почтением черной шайки помощник Зелим-Хан-Шура.

(И нарисованы две человеческие головы¹.)

Через неделю жена капитана Евдокия Гринько представила в сыскную полицию писанное карандашом письмо: «Вам грозит смерть принесите деньги 500 руб. 24 января буду ждать вас в 12 час. дня тогда Вас оставлю в покое буду на углу Б-Арнаутской и Канатной я всюду слежу за Вами». Еще через три недели принес письмо с угрозами Дмитрий Большаков:

Многоуважаемый Дмитрий Ефимович. Прошу вас если вы хотите избежать той гибели, которая в настоящий момент вам предстоит, то только вы можете избавиться если внесете пять 500 р. по нижеуказанному месту, если же вы этого не исполните, то будете убиты когда вы идете на службу или со службы... Деньги представите Коблевская № 26 кв. 2 Филиппу Мальярчику...²

Затем на два месяца воцарилось затишье. Новая вспышка вымогательской корреспонденции отмечается только в конце апреля. 24 апреля купец Хаим Пекелис принес в полицию такое письмо:

Г. Пекелис просим вас немедленно дать откупа 100 руб. или смерть деньги положите возле театра Аполло. Мы много не берем шайка никтертертер в воскресенье 26 апреля 8 час. вечера³.

27 апреля принес аналогичное письмо купец Александр Кузнецов:

Милый Алексаша. Раздай на военные нужды 2000 р. и об этом должно быть напечатано в Одесской почте иначе ты будешь убит в течении 3-х дней не прибегай к помощи полиции. Преемник Арсэна Люпена⁴.

14 мая жена капитана Гринько получила второе письмо с угрозами: «Мы затихли теперь снова мы начинаем действовать на первом плане Гринько, Париенко и Лозинская, шайка “Черная рука” шайка требует у Вас 700 рублей денег...»⁵. А 23 мая письмо с требованием 15 000 рублей от имени «Черной руки» принес бухгалтер мануфактурного магазина наследников Пташникова Трофим Павлович Стасенко. Но его «Черная рука» писала совсем другим подчерком, на другой бумаге, внизу вместо черной корявой лапы был нарисован неуклюжий череп с перекрещенными саблями...⁶.

10 июня получил по почте угрожающее письмо Карл Христофорович Топалов:

Смерть или жизнь

Карл Христофорович Топалов!

Ночью 12го июня мы должны с вами покончить убиты вы будете или войдем во двор собаки будут отравлены или же взломаем окно ваше залезим и с вами покончим, но чтобы не допускать до убийства приготовьте 500 рублей мы у вас их пока возьмем и временно дело кончим, не думайте что вы заявите полиции мы этого не боимся и каторга нам не страшна.

Словом мы на днях будем [пропивать?] деньги они у вас есть мы знаем все.

От нас братьев разбойников⁷.

Вновь почти месячный перерыв, отмеченный очень вялой активностью преступного элемента. 6 июля владелец аптеки дворянин Антон Гаевский представил в полицию украшенное корявыми завитушками письмо с требованием 25 р. на имя кассирши аптеки Марии Пешинской:

Милостивая государыня, г-жа Кассирша по приказание моего письма исполнить мою просьбу дать мне двадцать пять руб-

лей денег 26 р. ...Я думаю лутче дать 25 р. чем продать свою жизнь⁸.

И вновь затишь... 4 сентября 1915 г. Фрейда-Тауба Симонина Бомзе также получила письмо анонимных шантажистов:

Здравствуйте мадам Бомза Хана от вас мы просим чтобы вы нам вынесли 300 руб. <...> В случае отказа будет в вашу квартиру брошена бомба пока не получим от вас это что требуем, то будет ваш дом от бомб разнесен немедленно в казанное число доставить 300 руб. будем втроем сидеть на станции⁹.

И снова спадает накал страстей на страницах донесений сыскальной полиции, регистрируется лишь хулиганская выходка солдата на рынке и кража типографского шрифта. А в январе 1916 г. фиксируется новая вспышка распространения вымогательных писем от имени «Черной маски», «Черной руки» и прочих персонажей, избегающих цвета хаки...¹⁰.

2. «Нулевая степень» писем и «гранд-нарратив» одесской преступности

Появление «одесского мифа» о разудалых одесских налетчиках, в основном евреев по происхождению, явилось не только важным фактом развития советской литературы. Этот миф оказался востребованным историками (как в России, так и за ее пределами), которые пытались осмыслить девиантное поведение в Одессе как целостное явление. Дело в том, что даже в столь редкой своей – письменной – форме преступление остается такой же непроницаемой для понимания дискурсивной «черной дырой», как и другие феномены, недоступные опыту внешнего наблюдателя: самоубийство (и вообще смерть), безумие, сознание животных или принципиально чуждых культур... Одесский миф является первым кандидатом на роль обобщающего метанарратива, набора универсальных тропов и интерпретаций благодаря предельному «реализму» своей поэтики¹¹. Действительно, разве не напоминает письмо от «Зелим-Хан Шуры» Борису Аронбергу цитату из вымогательского письма Бени Крика – ведь именно так, а не наоборот, воспринимает ситуацию современный исследователь:

Типичный налет в Одессе начинался с вымогательного письма, которое получал владелец предприятия... В этом пись-

ме вымогатель требовал, чтобы владелец собрал назначенную сумму денег и доставил ее в указанное место. Такие письма неизменно содержали некоторые из тех штампов, которые встречаются в деловых письмах¹².

Исследование одесских полицейских архивов и газет начала века свидетельствует о том, что широкое распространение вымогательские письма получили лишь во время Первой мировой войны, когда усиленные меры безопасности в стратегически важном портовом городе Одессе крайне затруднили проведение традиционных налетов. В 1912–1913 гг. зафиксированы единичные случаи получения горожанами писем шантажистов. Всплеск активности почтовых вымогателей весной 1915 г., очевидно, показался начальнику сыскной части Одесской полиции новым и важным явлением – настолько, что он решил посвятить одному из писем отдельное донесение начальству¹³.

Отличительной чертой этого всплеска эпистолярного шантажа после 1914 г. был его сугубо криминальный характер: почти все письма подписываются от имени всевозможных разбойников, шаек «Черной руки» и прочих персонажей популярной приключенческой литературы. Преступники не скрывают, что требуют денег ради личного обогащения.

Напротив, в период после первой русской революции вымогательские письма были характерны не для заурядных аферистов, а для «идейных» анархистов-экспроприаторов (письма должны были документировать «высокие» цели налета), и даже заурядные шантажисты прикрывались революционной фразой¹⁴. Позднее вымогательские письма начинают ассоциироваться с молодежным хулиганством¹⁵. Очевидно, что некоторые из процитированных писем 1915 г. («Милый Алексаша... Преемник Арсэна Люпена...») являлись скорее аналогами современного телефонного хулиганства/терроризма – юный автор явно начитался дешевых детективов из иностранной жизни, про благородных апашей¹⁶. Никаких налетов вслед за получением письма с угрозами в 1910-х годах обычно не фиксировалось.

Корявый, но экспрессивный язык писем на самом деле распадается на разные диалекты «одесского русского»¹⁷: тех, для кого родным был идиш, и тех, кто привык разговаривать на украинском или суржике, а также тех «русских», кто просто не владел

письменным языком... Бабелевский смачный язык еврейских обитателей Молдаванки – столь же искусственная конструкция, сколь и наблюдательное воспроизведение реальных речевых оборотов реальных одесситов (но не обязательно евреев). Да и само расхожее представление о том, что прототипом Бенциона Крика был налетчик Мишка Япончик (Винницкий), является лишь мифом: десять лет вплоть до Февральской революции Михаил (Мойсей Вольфович) Винницкий сидел на каторге за участие в анархистских «эксах» в ранней юности, его карьера короля Молдаванки длилась чуть больше года, трагически оборвавшись в 1919 г. В то же время ни о каком воровском синдикате в Одессе (а бабелевский Бенья Крик воплощает именно миф о еврейской организованной преступности) до революции 1917 г. не могло идти и речи – и не шло: ни в полицейских документах, ни на страницах одесских газет¹⁸.

Одесский миф, безусловно являющийся самостоятельным культурным феноменом, не может и не должен оцениваться с точки зрения степени его соответствия «исторической реальности». Живя своей судьбой и обладая собственной историей, он не может помочь исследователю собрать разрозненную мозаику эпизодов этнической еврейской преступности в Одессе воедино, в некую комплексную модель.

3. По ту сторону уголовной статистики

Прямой противоположностью художественному мифу и реальной альтернативой ему кажется сухая и точная наука статистики. Действительно, собранные официальными лицами цифры рисуют более нюансированную картину по сравнению с крупными мазками экспрессионистского полотна литературного одесского мифа.

В начале XX в. евреи стабильно составляли одну треть бурно растущего населения Одессы (за пятнадцать лет, с 1897 по 1912 г., число жителей города выросло на 50%, доля же евреев среди одесситов колебалась в пределах 31–35%). В 1912 г. из 620 тысяч жителей Одессы евреи составляли 200 тысяч, представляя вторую по численности группу населения после русских¹⁹. В то же время, в 1913 г. в Одесском судебном округе было осужде-

но за разные преступления всего 122 лица иудейского вероисповедания (в Киевском – 222, а в Варшавском даже 659 евреев)²⁰. За решетку отправили 21 рецидивиста-еврея и 116 рецидивистов-«русских» (т.е. православных)²¹. Как видим, согласно судебной статистике, роль еврейского элемента в городской преступности была незначительной, во всяком случае, она была намного ниже процента евреев в населении города.

Впрочем, официальная статистика никак не подтверждает и славы криминальной столицы – «Одессы-мамы». В 1913 г. процент осужденных к общему числу горожан был в Одессе почти в два раза ниже, чем в Нижнем Новгороде, уступала Одесса по криминализации населения Казани и Баку²². Никак не отмечает повышенную криминогенную обстановку в Одессе и такое ведомственное издание, как «Вестник полиции». Что действительно выделяло Одессу на фоне других местностей империи, так это беспрецедентный прирост судебных дел в начале XX в. (вполне соответствующий, впрочем, необыкновенной социальной динамике города): с 1901 по 1905 г. ежегодное количество дел, заведенных в Одесском судебном округе, выросло на 49% (в то же время в Московском округе прирост составил 37%). Число дел о телесных повреждениях выросло за 20 лет (1885–1907) в 4–5 раз²³. То есть можно говорить о том, что жизнь в одном из наиболее динамично развивавшихся городов Российской империи была отмечена комплексным социальным стрессом, вызванным (наряду с острым жилищным кризисом и проблемой занятости) также и ростом преступности, которая, однако, не превышала среднероссийского уровня.

Евреи вообще никак не выделялись в общеимперской криминальной статистике: процент евреев среди осужденных колебался в пределах 3,4–3,9%²⁴, т.е. был чуть меньше доли евреев в населении империи (4,15% в 1897 г.). Сомнительное первое место по числу арестантов на каждые сто тысяч представителей данной этнической группы в 1909–1913 гг. принадлежало полякам, а за ними следовали русские, латыши и литовцы; евреи, как правило, демонстрировали показатели ниже среднего по империи. Так, если в 1913 г. в среднем по России на каждые 100 000 человек приходилось 104 осужденных, то из каждых 100 000 евреев только 97 были осуждены, а из каждых 100 000 поляков – 130. В то же время евреи не были и образцом законопослушности, так как

в том же году этот показатель для тюрко-мусульманских народов, к примеру, составил только 55 человек²⁵.

Таким образом, официальная судебная статистика лишает проблему еврейской криминальности не только сенсационности, но и какой-либо исключительности: цифры рисуют ситуацию, лишь незначительно отклоняющуюся от нормы, причем в сторону большей законопослушности евреев. Однако, как известно, криминальная статистика, а тем более судебная, может являться лишь косвенным индикатором общей динамики преступности. Далеко не все арестанты становятся осужденными, не все преступники арестовываются, значительная часть преступлений вообще не регистрируется (особенно экономические или сексуальные)²⁶. В случае полиэтнической империи и такого многонационального города, как Одесса, уголовная статистика не может рассматриваться даже в качестве надежного свидетельства «относительной криминогенности» того или иного этноса. Официально регистрируются в основном деликты, последствия которых выходят за пределы данной общины, или те конфликты, которые не могут быть урегулированы в рамках официальных или неофициальных структур самоуправления. Поэтому статистика количества правонарушений или судебных приговоров на сто тысяч представителей той или иной этнической группы свидетельствует скорее о степени интегрированности данной этнической группы в институциональную структуру государства: именно этим, очевидно, объясняется невероятно низкий уровень осужденных среди «горячих» тюркских народов Кавказа по сравнению с народами западных окраин (поляками и прибалтами) – в 2,5 раза! И в случае Одессы цифры осужденных евреев могут оказаться значительно заниженными по сравнению с цифрами осужденных русских. Таким образом, официальная статистика является второстепенным источником для изучения роли еврейской криминальности внутри еврейской общины в Одессе.

Остается опираться на источники, с трудом поддающиеся ретроспективной статистической обработке: газетные публикации и полицейские отчеты. Основываясь на анализе содержания всего двух популярных одесских газет (из нескольких дюжин выходивших в городе), Рошанна Сильвестр убедительно воссоздает атмосферу виртуального присутствия еврейской криминальности как постоянного фактора городской жизни в Одессе²⁷. Регуляр-

ные (два раза в неделю) донесения начальника одесской сыскной полиции в Жандармское управление о значительных происшествиях, зафиксированных полицией, являются более репрезентативным источником, хотя в них далеко не всегда указываются этничность или вероисповедание упоминаемых лиц (что заставляет обращаться к традиционному «имперскому» приему определения национальности по имени и фамилии). Даже если рассматривать донесения прежде всего как нарративный источник, обращает на себя внимание значительный удельный вес «еврейских» сюжетов²⁸. Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что по информации сыскной полиции (которая, кстати, никак дискурсивно или символически не выделяла этноконфессиональный аспект регистрируемых происшествий) евреи играли значительную роль в общей криминогенной ситуации, часто давая 25–50% зафиксированных случаев.

4. Преступление без наказания?

Возникает закономерный вопрос: что же рассматривать как преступление сегодня, спустя сто лет после описываемых событий? Можем ли мы полностью отождествляться с нашим наиболее ценным источником (доклады начальника сыскной полиции), принадлежащим представителю правоохранительных органов Российской империи? С этим вопросом связан и следующий: что мы можем узнать в результате анализа структуры еврейской «преступности»: криминальные склонности одесских евреев как этнической группы или специфику «репрессивной политики» российского государства по отношению к евреям?

Эмилио Дюркгейму принадлежит заслуга «нормализации» феномена преступности как неперемного элемента социальной организации любого общества²⁹, несмотря на крайне двусмысленные формулировки³⁰, подчас тавтологически сводящие суть преступления к нарушению юридических установлений³¹. В XX в., начиная с классической ранней работы Питирима Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913–1914), преступление рассматривалось социологами – вне зависимости от общих методологических предпочтений того или иного автора – как нарушение норм (правовых, культурных и пр.), принятых в данном обществе. Для примера рассмотрим трех очень разных ис-

следователей, сменявших друг друга в роли кумиров в общественном ведении, чьи идеи сохраняли свое значение и актуальность и после того, как проходил пик их популярности.

«Иначе говоря, *преступные или запрещенные акты суть акты, противоречащие “дозволенно-должному” шаблону поведения*», – писал Сорокин перед Первой мировой войной³². В дальнейших своих работах Сорокин уточнял, что речь идет о критике позитивизма, а не о полном релятивизме, ибо существуют типы деяний (убийство, членовредительство, грабеж и т.д.), которые признавались преступлением во всех проанализированных им уголовных кодексах второго тысячелетия нашей эры³³.

Т. Парсонс подходил к определению понятия преступления по-другому, через теорию девиантного поведения, основанную на модели состояния равновесия открытых социальных систем и психологии индивидуальной мотивации (он пытается разделять личность субъекта на «ego» и «alter», приписывая каждой половине собственную стратегию поведения, будто имеет дело с реальными фигурами)³⁴. Но и такой комплексный подход отличается тем, что девиация (и преступление) определяется через определение нормы или состояния «равновесия».

Наконец, Мишель Фуко в книге, ценной скорее как социологическое, нежели историческое исследование, определяет преступление очень близко к Сорокину, как то, что общество объективирует и кодифицирует как деликт, как все, что выходит за рамки навязываемого обществом индивиду нормативного дискурса социализации («дозволенно-должному шаблону поведения», на языке Сорокина)³⁵. Таким образом, вне зависимости от подхода (конструктивистского, функционального, ярлыкового [labeling]), доминирующие социологические системы описывают преступление негативно, как отклонение от принятой в обществе нормы или достигнутого состояния равновесия социальной системы. Получается, что преступление – не преступление, если за него не предусмотрено наказание...

Тем самым избегается опасность попадания в дискурсивную «черную дыру» определения «сущности» преступления, но зато история преступности лишается четкой методологической основы. В конце 1970-х годов казалось, что с публикацией важных исследований английских историков (прежде всего Э.П. Томпсона) и «Рождения тюрьмы» Фуко формируется новое направле-

ние исторических исследований: изучение преступления и наказания в Новое время³⁶. В то же время перспективы этого направления были омрачены тем обстоятельством, что концептуально новые истории преступления вписывались в общие схемы социального развития, которые *ad hoc* приспособлялись к весьма специфическому материалу³⁷. Итог этой «методологической недостаточности» был подведен двадцать лет спустя:

За исключением Британии и Соединенных Штатов, современный период (начиная с XIX в.) почти не вдохновил написание сколько-нибудь значительных работ, несмотря на обилие стандартизированного материала. Количество основополагающих исследований по истории преступности в современной Европе можно сосчитать по пальцам одной руки³⁸.

Одним из следствий отсутствия универсальной модели становится затрудненность или даже невозможность компаративных исследований преступности: международных или межэтнических (в рамках одной страны)³⁹. Конечно же, на пустом месте, «из себя» и по заказу, теории такого рода не изобретаются⁴⁰. Однако уже сейчас понятно, какой примерно *должна быть* новая теория, чтобы помочь в концептуализации эмпирического материала, с которым сталкиваются сегодня исследователи криминального:

1. Не хватает теории, которая позволяла бы анализировать продуктивные результаты преступления.
2. Не хватает теории, которая учитывала бы также неизбежность преступлений.
3. Не хватает теории, которая отделяла бы преступление и нарушителя от негативного смыслового контекста, не впадая при этом в тривиализацию и самодовольный конструктивизм.
4. Более того, не хватает теории, которая также позволяла бы учитывать позитивные аспекты социального контроля со стороны уголовного права.
5. Наконец, в особенности не хватает согласованной теории, которая бы пыталась подтвердить неразделимую связь между преступлением, социальной структурой и семантикой общества⁴¹.

По сути, речь идет о том, что необходимо каким-то образом концептуализировать конструктивную роль криминальности и

объяснить ее имманентный любому социуму характер – не впадая при этом в пессимистический нигилизм или, напротив, аморальную апологетику. (В том, что сам факт существования преступности обеспечивает процветание страховой индустрии, производителей средств защиты и систем безопасности, СМИ, консервативных политических партий и т.п., сомневаться не приходится⁴².) В ожидании появления новой теории, действительно удовлетворяющей перечисленным требованиям, обратим внимание на ее элементы, содержащиеся в работах упоминавшихся выше классиков современной социологии.

Во-первых, это идея преступления как важного фактора социальной интеграции и адаптации. По словам современного исследователя, пытающегося наметить контуры новой теории преступности, «преступление служит для координации отношений между разными дискурсами и системами. Это делает его конструктом, который направляет большую часть коммуникации внутри общества...»⁴³. Такой подход к определению «не-деструктивных» (скажем осторожно) функций преступности можно найти у Парсонса: он определяет «девиантность» социальной системы через тенденцию к изменению состояния открытой системы или установлению нового равновесия между взаимодействующими силами⁴⁴. То есть преступность заставляет отдельные социальные силы (акторов) и общество в целом «перенастраиваться» с учетом выявленных дефектов системы, формировать нормативные дискурсы о том, что считать приемлемым, а что нет, вступать во взаимодействие (пусть и через конфликт) с социальными группами и явлениями, которые иначе игнорировались.

Во-вторых, уже Питирим Сорокин описывал феномен социального взаимодействия и возникновения социальных структур как процесс спонтанной самоорганизации, происходящий постоянно и независимо от доминирующих в обществе представлений и ценностей⁴⁵. Устойчивость новообразованных структур зависит от многих факторов (успешность самообучения методом проб и ошибок, взаимодействие с окружающими структурами и т.д.), но в принципе можно предположить, что постоянно возникают ассоциации индивидуумов и структуры поведения и деятельности, которые противоречат доминирующим в обществе представлениям о норме. Даже если каждая «организация» в отдельности существует непродолжительное время, сам фактор присутствия

«нарождающегося» антисистемного поведения оказывается постоянным.

Мне хотелось бы остановиться подробнее на этом последнем аргументе. Точнее было бы предположить, что, подобно существующей в природе фоновой радиации, не связанной напрямую с отдельными катаклизмами вселенского масштаба, существует некий фоновый уровень «самодетельной социальной активности», которая возникает спонтанно в любом человеческом коллективе и существует постоянно. В принципе, эта идея присутствует имплицитно и у Парсонса, особенно если его концепцию взаимодействия открытых социальных систем скорректировать с учетом современных представлений об этом процессе, сформулированных в рамках синергетики⁴⁶. Любое взаимодействие индивидов и коллективов вызывает к жизни стратегии поведения, от элементарных до сложных, которые направлены на распределение экономических ресурсов и организацию иерархии подчинения.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Фуко, можно говорить о некой «*первобытной* экономике права», которую можно наблюдать и у малышей в детском саду, самостоятельно устанавливающих порядок пользования игрушками или качелями (иерархия «сильных», «ловких», «нарядных» и т.п.), и в очереди взрослых за дефицитом (билетами или водкой). В данном случае речь идет не просто о существовании «моральной экономики» в понимании Э.П. Томпсона (так как речь идет не о том, кто устанавливает правила – писанный закон или народный обычай), а о том, что порядок возникает из «непорядка», «до-порядка» постоянно и всюду, спонтанно. Зачастую эта самоорганизация никак не пересекается с нормами, установленными обычным правом или законодательством⁴⁷. Власть же и уже сформировавшееся структурированное общество, сталкиваясь (в разное время или одновременно) с проявлениями спонтанной самоорганизации «населения», характеризует часть поступков и самостоятельных иерархий как незаконные и «преступные».

В отличие от анархической интерпретации Фуко, преступник с этой точки зрения не просто жертва власти и «общества», монополизировавших право и определение «нормальности». Он оказывается частью структур(ы) и участником действий, которые возникают без санкции и помимо общества и государства и покушаются на достигнутый status quo в обществе и прерогати-

вы институтов по распределению и защите материальных и властных ресурсов. Пример аномического российского общества 1990-х годов особенно красноречив в данном случае, ибо современное и наиболее распространенное значение слова «авторитет» (уже даже без обязательного эпитета «криминальный») означает неофициальную, но эффективную систему управления, параллельную и альтернативную институциональной власти. (В то же время в современном контексте высокоинтегрированного американского общества «authority» обозначает именно формальную властную инстанцию.)

Интересное развитие этого аргумента содержится в работе американских исследователей Стергиоса Скапердаса и Константиноса Сиропулоса «Банды как примитивные государства». Авторы вполне осознанно используют синергетическую модель социальной динамики: «Нашей отправной точкой является анархия, состояние без применимых прав собственности или поведенческих норм, необходимых для предотвращения использования принуждения»⁴⁸. Они показывают, как примитивные «государства в государстве» возникают в ситуациях недостаточного или ослабевшего государственного контроля и что в некоторых ситуациях (например, в домодерновый период) действия банд-государств (пиратов или наемников на спорных территориях) даже не рассматриваются государством как преступление⁴⁹. «Борьба с преступностью» возникает тогда, когда интересы государства пересекаются с интересами самозванных образований, преступник становится врагом всего «общества» не просто потому, что эта роль ему навязывается репрессивным обществом (Фуко), но и потому, что он фактически участвует в «проекте», предполагающем (в идеале) подчинение или разрушение этого самого «официального общества». Именно с этими существенными оговорками можно согласиться с интерпретацией домодерновых бандитов Эриком Хобсбаумом:

Суть социальных бандитов в том, что они крестьянские изгои, которых землевладелец и государство рассматривают как преступников, но которые остаются в рамках крестьянского общества и воспринимаются его членами как герои, как защитники, мстители, борцы за справедливость, вероятно даже лидеры освобождения, и в любом случае как люди, которыми надо восхищаться, помогать и поддерживать... Социальный бандитизм

этого вида является одним из наиболее универсальных социальных феноменов, известных истории, и одним из наиболее удивительно однородных⁵⁰.

Хобсбаума не раз упрекали в идеализации «социальной» компоненты архаического бандитизма, поскольку, как показывают исследования, именно местное крестьянское население являлось основной жертвой бандитов, которые зачастую находились на содержании крупных землевладельцев и выполняли функции по охране их собственности и регулированию отношений с эксплуатируемым крестьянством⁵¹. Однако сама идея «бандитизма» как продукта самодеятельности населения (наряду с практиками внутриобщинной кооперации, переделов земельных участков в рамках общины и т.п.) кажется очень продуктивной.

5. «От крови – к мошенничеству» или «от народничества – к марксизму»?

К началу XX в. в среде криминологов сформировалось представление о том, что характер преступности изменяется вместе с модернизацией общества в целом и отдельных социальных групп: на смену жестоким и насильственным действиям в отношении личности приходят преступления против собственности (или «white-collar crime», в современной интерпретации этой теории). Соответственно, среди более примитивных народов доминирует первый тип преступности, а среди цивилизованных – второй. Например, российский общественный дискурс (выраженный в произведениях литераторов-«реалистов») представлял дело следующим образом: «Татары совершают преступления самые тяжкие: убийства, грабежи и проч., – евреи же преимущественно грешат против собственности»⁵². (Под татарами понимались не только средневожские татары и башкиры, но и тюркские народы Кавказа.) Официальная статистика подтверждала это наблюдение: действительно, в 1907 г. за кражу осудили почти в два раза больше евреев, чем татар, зато за убийства – более чем в пять раз больше татар, чем евреев⁵³. Эти цифры специально комментировались, причем подчеркивалась политическая активность евреев (особенно актуальная в 1907 г.):

Существенные отличия от всех остальных национальностей представляет преступность евреев. На первом месте у евреев

стоит кража, но на втором не преступления против порядка управления или телесные повреждения, а – преступления государственные, за которые осуждено около 22% общего числа осужденных евреев. Между тем русских за государственные преступления осуждено только 7% общего числа, литовцев и поляков – менее 5%. Далее, среди евреев сильно развиты: нарушение уставов казенных управлений, мошенничество... С другой стороны, сравнительно мало осуждено евреев за убийство, нанесение телесных повреждений...⁵⁴

Мишель Фуко возводит старое наблюдение криминалистов в основной закон модернизации, описанной с точки зрения борьбы общества со своими врагами:

Фактически переход от криминальности крови к криминальности мошенничества формирует часть целого комплексного механизма, включающего в себя развитие производства, рост благосостояния, повышение юридической и моральной значимости отношений собственности, более строгие методы надзора, более плотное разделение населения, более эффективные техники обнаружения и получения информации...⁵⁵

В этой перспективе еврейская криминальность (в частности, в Одессе) должна рассматриваться как свидетельство модернизированности российского еврейства и в то же время его виктимизации со стороны российского государства и общества в целом. Помимо невысокой объясняющей ценности этой гипотезы (что *нового* привносит она в наши представления о российском еврействе или о социальных и этнических границах в Одессе?), она не находит никакого фактического подтверждения. Действительно, в историографии распространено мнение о том, что для черты оседлости был характерен очень невысокий уровень еврейской преступности и низкий градус внутриобщинного насилия. Отсутствие сведений, оспаривающих этот тезис, и распространенность мифа (среди евреев и антисемитов в равной степени) о том, что еврей никогда не навредит еврею, являются основным фундаментом этого мнения⁵⁶. Однако частично цитировавшиеся выше сведения о еврейской преступности в Одессе рисуют совершенно иную картину: *очень много* евреев участвуют в преступном насилии по отношению к другим людям, в том числе и к евреям. Речь идет не об абстрактных дискурсивных проекциях общества на

представителей нежелательного сегмента населения, а о реальных побоях, изнасилованиях и убийствах.

Традиционная модернизаторская схема «от криминальности крови к криминальности мошенничества» в данном случае не работает, так как по сравнению с любыми эксцессами в черте еврейской оседлости Одесса выступала в роли одновременно и Содома и Гоморры. Если же учитывать уровень насилия, в котором будут замешаны евреи в период революции, Гражданской войны и первых советских десятилетий (участие в бандах и карательных отрядах, военных частях и органах ВЧК–ГПУ–НКВД), то вектор получается просто диаметрально противоположной направленности: от «мирной» контрабанды, воровства и мошенничества – до систематического физического насилия и убийств.

Альтернативный подход к проблеме преступности, рассмотренный в предыдущем разделе, кажется более адекватным одесскому случаю. Рассмотрим его с точки зрения феномена спонтанной самоорганизации населения и проблемы комплексной социальной интеграции.

6. Колонисты

В отличие от других местностей Российской империи, где этнические группы проживали на одной и той же территории столетиями, а традиции государственности насчитывали едва ли не тысячу лет, Одесса в XIX в. представляла собой недавно заселенную *колонию*. Город, возникший практически на пустом месте в причерноморской степи, не могли назвать «исконно своим» ни пришедшие из внутренних губерний великороссы, ни мигрировавшие из сел украинцы, ни бежавшие из местечек в черте оседлости евреи, ни перебравшиеся из Бессарабии молдаване, ни тем более многочисленные греческо-, турецко- и прочие подданные⁵⁷. Никаких предустановленных сценариев распределения ролей и «полномочий» и освященных обычаем границ между этническими группами в Одессе не существовало⁵⁸.

Имперская власть была представлена в полной мере в Одессе с момента зарождения города, однако для нее были характерны те же домодерные практики управления, что и в других областях империи, где немногочисленная администрация опиралась на формальные и неформальные структуры сословного и духовного

самоуправления. В Одессе же этнические и конфессиональные общины не имели той высокой степени жесткости и легитимности, что на «большой земле». Именно полицейские документы с их фиксацией на формальном (сословном) статусе горожан демонстрируют всю абсурдность старых социальных разграничений. Вот лишь несколько взятых наугад случаев: крестьянин Николай Ясинский и дворянин Вениамин Николаев под видом агентов сыскной полиции вымогают пять рублей у мещанки Неси Неханкис⁵⁹; просившая милостыню мещанка Ефросиния Полянская украла у крестьянина Иосифа Кручинского золотые часы за 85 рублей⁶⁰; у мещанина Василия Захарчука на Привозе украли кошелек аж со 170 рублями⁶¹, а потомственный почетный гражданин Абрам Борецкий промышлял кражей дамских сумочек⁶². Сословие, род занятий и материальный достаток в этих и многих других случаях вообще никак не коррелируют друг с другом.

Особенно характерен в данном случае пример евреев, которые в Одессе вели себя совершенно иначе, чем в местечках черты оседлости: любовь к театру и другим светским «космополитическим» развлечениям явно перевешивала религиозность, традиционная общинная замкнутость уступила место открытости социальных взаимодействий⁶³. Перед одесскими евреями, свободными от узких рамок традиционной местечковой социальности, стояла задача выработки нового, светского и современного модуса социального и политического поведения, выстраивания внутриобщинных и межобщинных связей. Институционализируемая власть была не готова регулировать социальные процессы на микроуровне, что оставляло широкий простор для самостоятельной инициативы населения, в том числе и криминального характера. Власть пользовалась относительной неопределенностью юридического статуса горожан и их институтов для достижения своей главной цели – административно-политического контроля; попытка достичь этой цели при помощи неких универсальных норм, одинаково действующих на территории Туркестана и Финляндии, была бы куда менее эффективной и затратной. Но и рядовые горожане пользовались ситуацией «правового релятивизма» в своих интересах, подчас слишком далеко преступая пластичные и пористые рамки закона. Горожанам приходилось выстраивать новые социальные практики и проводить новые социальные границы наугад и «на ощупь», методом проб и ошибок.

Большая часть нового социального опыта формировалась в «серых зонах», недостаточно или вовсе никак не определенных имперским законодательством, модернность «прорастала» в промежутках между редкой сеткой юридических норм архаической империи.

7. Постскрипtum

В заключение вернемся в Одессу 1915 г., к началу этой статьи. Постепенно нарастающие экономические трудности и отсутствие надежды на скорое улучшение ситуации, приток беженцев делали людей раздражительными, менее терпимыми друг к другу. В августе в одной популярной кондитерской произошел следующий примечательный эпизод, рассказанный в газете «Маленький одесский листок» фельетонистом «Бедовым». Фотограф Белоцерковский (еврей) послал прислугу (очевидно, православную) в кондитерскую. Кассирша должна была дать сдачу 2 р. 50 коп., а медная и серебряная мелочь в обстановке ползучей инфляции уже стала дефицитом. Кассирша спросила:

- Вы от русских?
- Нет.
- Тогда нет сдачи⁶⁴.

Несмотря на нервную обстановку в стране и городе и разворачивающуюся кампанию по поиску внутренних врагов, даже такой мелкий случай дискриминации по этническому признаку (по современным российским понятиям – заурядного хамства) не воспринимался в Одессе как обиденный и «нормальный». Включился механизм саморегуляции, и случай стал достоянием гласности⁶⁵. «Политически некорректную» кассиршу в тот же день уволили. Что характерно, такой исход не удовлетворил ни фельетониста, ни пострадавшего фотографа Белоцерковского. Они обратились через газету к владельцу кондитерской с просьбой взять кассиршу назад, называя ее слова «необдуманной фразой», уверяя, что она осознает свою оплошность. Оказалось, перед разговором с прислугой какая-то покупательница сказала кассирше:

- Надо спрашивать покупателей, кто они, если не русские – сдачи не давать.

Так замотавшаяся женщина и поступила...⁶⁶

Эта рождественская история, случившаяся в конце августа, свидетельствует о том, что потенциальные источники межэтнического конфликта находились в самом одесском обществе, возникая ежедневно и повсеместно. Однако очевидно, что в состоянии относительной стабильности окружающего мира одесское общество обладало удивительно устойчивым механизмом интеграции и социализации – по обе стороны официальной законности. Динамично развивающееся и постоянно «втягивающее» в себя посторонних членов, находящихся еще в состоянии относительной аномии (подобно кассирше, «необдуманно» нарушающей общепринятые нормы поведения), оно осваивало новую реальность и новых людей, сохраняя при этом неизменными очень важные элементы своей идентичности: открытость, терпимость и креативность, нередко выступавшие в роли уголовного деликта. Вероятно, в эту устойчивость в какой-то степени внес вклад и страшный октябрьский погром 1905 г., хотя бы тем, что обозначил те пределы, за которыми динамично развивающаяся открытая система ввергалась в пучину действительно деструктивного хаоса.

В ситуации слабой или неэффективной государственной власти, аномии «колониальной» неукорененной жизни, спонтанного возникновения и развития социальных иерархий и неформальных властных отношений незаконная деятельность одесских евреев (как и остальных одесситов) являлась более комплексным феноменом, чем банальная «преступность». В начале XX в. около 50 тысяч одесских евреев существовали на грани физического выживания и примерно такое же количество их более удачливых соплеменников выживало за счет поиска лазеек в дискриминирующем антиеврейском законодательстве. Все это создавало питательную среду для своеобразной формы социальной организации и даже самоуправления (на уровне банд).

Повышенная заметность еврейской преступности в общественном дискурсе (по сравнению с официальной статистикой) и определенные ее характеристики, зафиксированные в тысячах изученных случаях, дают основания видеть в ней также проявление конфликта между институтами архаического государства и быстро модернизирующегося «колониального» анклава внутри империи («фронтира»). Одесские евреи чувствовали и вели себя

иначе, чем евреи в других частях России (и мира), находя собственный путь интеграции в «большое» общество, который был не всегда легальным.

Примечания

¹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАУ). Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Т. 2. 1904–1908 гг. Ед. хр. 173. Донесение начальника сыскной части Одесской городской полиции об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 12 января 1915 г. – 4 января 1916 г. Л. 2.

² Там же. Л. 6–6об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 231. Дело об убийствах, поджогах, грабежах и других происшествиях в гор. Одессе. 2.01. – 13.12.1916 г. Л. 5, 6, 11, 71 и сл.

¹¹ Можно предположить, что доверие именно к исторической достоверности одесского мифа было бы меньшим, если бы он оформлялся в рамках романтической или декадентской литературной традиции.

¹² *Briker B. The Underworld of Benia Krik and I. Babel's Odessa Stories // Canadian Slavonic Papers. 1994. Vol. 36. № 1–2. P. 119.*

¹³ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 18.

¹⁴ Например, большая часть вымогательных писем весной 1909 г. посылалась от имени революционных групп, в то время как задержанные вымогатели оказывались на деле приезжими жуликами или уволенными приказчиками, обиженными на бывших хозяев. См.: ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Ед. хр. 2415.

¹⁵ Так, в начале 1910 г. меховой магазин Н. Бушулянова на Дерибасовской трижды становился объектом вымогательства со стороны подростков. Сначала к управляющему магазина Глазунову явились пятнадцатилетний Осип Гринберг и четырнадцатилетний Шулим Шатайло с подложным письмом от торгового дома «Л.С. Рабинович», в котором предлагалось выдать подателям 75 рублей. Мальчиков задержали. См.: Юные аферисты // *Голос Одессы. 1910. № 207. 30 янв. С. 3.* Спустя ме-

сяц управляющий получил по почте письмо, в котором неизвестный автор под угрозой смерти требовал 100 р. На обороте листа стояло: «Долой Толмачева губернатора и смерть», «Долой Зарубаева» – и была нарисована могила с крестом и подпись «Молодая Воля». Выяснилось, что письмо писал мстительный Шулим Шатайло. Выпущенный после первого ареста на поруки, он сознался в новом преступлении и был снова арестован. См.: Юный «анархист» // *Голос Одессы. 1910. № 233. 25 февр. С. 3.* Прошло чуть больше двух недель, и к управляющему магазина явился прилично одетый молодой человек, вручил письмо и скоро удалился. В письме под угрозой смерти от имени анархистов-коммунистов требовалось 75 рублей. Когда молодой человек явился за деньгами, он был арестован (обычный итог большинства вымогательских историй). Он оказался семнадцатилетним жителем Херсона Федором Флоркиным, объяснившим, что, за неимением никаких средств к жизни, решил «так» поступить. См.: Анархисты «на горизонте» // *Голос Одессы. 1910. № 249, 13 марта. С. 4.* Очевидно, что выбор жертвы шантажа (а также маски налетчика) был сделан под воздействием предыдущих публикаций в газете.

¹⁶ Арсен Люпен – персонаж авантюрных детективов французского писателя Мориса Леблана (Maurice Leblanc, 1864–1941), начинавшего репортером в «Фигаро». Люпен – отважный, хитрый, проникательный и остроумный джентльмен-грабитель. Первый рассказ о Люпене вышел летом 1905 г., и вскоре этот персонаж стал широко известен в России. В последние годы в России вышло несколько переизданий романов Леблана об Арсене Люпене: Графиня Калиостро. Семь приключений Арсена Люпена. М.: Амфора, 2000; Арсен Люпен – благородный грабитель. М.: Вагриус, 2001.

О влиянии детективных историй, развивавших тему «свободы и восстания» (против общественных норм), на российского дореволюционного читателя см.: *Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985. P. 166, et al.*

¹⁷ «Odessa Russian», по выражению Роберта Ротштейна: *Rothstein Robert A. How It Was Sung in Odessa: At the Intersection of Russian and Yiddish Folk Culture // Slavic Review. 2001. Vol. 60. № 4. P. 782, et al.*

¹⁸ Впрочем, идея координируемого преступного сообщества (но архаического, в духе представлений о городских шайках XIX в.) нашла отражение в бульварной литературе. Например, неоднократно переиздававшееся произведение бывшего полицмейстера Одессы Антонова (псевдоним Правдин) «Одесские трущобы» вплетает реальные эпизоды городской криминальной хроники в вымышленный сюжет: в знаменитых одесских катакомбах обитает преступный сброд, во главе которого стоит злодей Зикандр, он же светский лев граф Эмануил Брендостели. Его ближайшим подручным является еврей Харин, выбившийся в высшее общество благодаря богатству, добытому преступным путем. См.:

Антонов В.М. (Правдин). Одесские трущобы (подземный город). Роман из уголовной хроники в двух частях. Изд. 2-е. СПб., 1900.

Вообще в романе Антонова-Правдина тема коррумпированности одесского «общества» и опасной проницаемости социальных границ является просто навязчивой. Эта озабоченность одесского общества темпом и масштабами социальной мобильности хорошо прослежена на материалах двух одесских газет 1910-х годов в диссертации Рошанны Сильвестр: *Sylvester R.P. Crime, Masquerade, and Anxiety: The Public Creation of Middle-Class Identity in Pre-Revolutionary Odessa, 1912–1916 / Ph.D. dissertation; Yale University, 1998.*

¹⁹ *Herlihy P. Odessa: A History, 1794–1914. Cambridge, MA., 1986. P. 251.*

²⁰ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебном-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г. За 1913 г. Пг., 1916. Ч. 1. О подсудимых по окружным судам и судебным палатам. С. 37.

²¹ Там же. С. 202–203.

²² На 100 000 горожан в Одессе приходилось 224 осужденных, в Баку – 353, в Казани – 384, а в Нижнем Новгороде – 400 осужденных. См.: там же. С. 50.

²³ *Тарновский Е.* Сведения о движении преступности и о числе рецидивистов за 1885–1907 гг. // Тюремный вестник. 1909. № 1. С. 58, 59.

²⁴ Данные за 1909–1913 гг. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебном-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г. За 1913 г. С. 41.

²⁵ Там же. С. 42.

²⁶ Сравнивая статистику осужденных за год преступников с имеющимися данными о задержаниях уголовников (правда, относящимися к несколько более позднему периоду), можно предположить, что число осужденных было по крайней мере в 2–2,5 раза меньше числа арестованных полицией правонарушителей.

²⁷ См.: *Sylvester R.P. Crime, Masquerade, and Anxiety.* Особенно гл. 5, «City of Thieves».

²⁸ Впрочем, в годы войны сыскное отделение начинает составлять регулярные статистические сводки, дающие представление о масштабах и характере зафиксированных правонарушений. Так, за одну рабочую неделю в январе 1916 г. городское сыскное отделение задержало 232 человека: 35% из этого числа составили уголовники, 25% – дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности, 9% – бродяги. См.: Заметка о деятельности сыскальной части гор. Одессы и полицейских участков по задержанию в пределах градоначальства подозрительных личностей

с 13 по 19 января 1916 г. // ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 3333об.

²⁹ «Не существует общества, которое не сталкивается с проблемой преступности... Вопреки распространенным взглядам, преступник более не рассматривается как полностью асоциальное существо, разновидность паразитического элемента, чуждое и неассимилируемое тело, внедрившееся внутрь общества. Напротив, он играет определенную роль в социальной жизни». – *Durkheim E. The Rules of the Sociological Method // George Simpson. Selections From His Work. N.Y., 1963. P. 62, 63.*

³⁰ «Мы не должны говорить, что деяние потрясает коллективное сознание, потому что преступно, но, скорее, что оно преступно потому, что потрясает коллективное сознание. Мы не осуждаем его потому, что это преступление, а оно является преступлением, так как мы осуждаем его». – *Durkheim E. The Division of Labor in Society // Anthony Giddens. Emile Durkheim: Selected Writings. London, 1972. P. 123–124.*

³¹ «Таким образом, не существует феномена, который представляет более бесспорно все симптомы нормальности, [чем уголовная репрессия], поскольку он оказывается тесно связанным с условиями всей коллективной жизни». – *Durkheim E. The Rules of the Sociological Method // George Simpson. Selections From His Work. P. 62.*

³² Цит. по современному изданию: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 76.

³³ См.: *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 2. Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law. N.Y., 1962 (©1937). P. 576–577, et al.*

³⁴ См., напр.: *Parsons T. The Social System. New York and London, 1964 (©1951). P. 249–257, et al.*

³⁵ *Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. Harmondsworth, 1977.*

³⁶ См.: *O'Brien P. Crime and Punishment as Historical Problem // Journal of Social History. 1978. Vol. 11. P. 508–520.*

³⁷ Ср.: «...теоретический инструментарий, используемый и создаваемый многими исследователями в этой области, все еще находится на примитивном уровне развития». – *Ibid. P. 508.*

³⁸ *Rousseaux X. From Medieval Cities to National States, 1350–1850: The Historiography of Crime and Criminal Justice in Europe // Clive Emsley and Louis A. Knafla (eds). Crime Histories and Histories of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History. Westport, CT, 1996. P. 4.*

³⁹ См.: *Tonry M. Ethnicity, Crime, and Immigration // Tonry M. Ethnicity, Crime, and Immigration: Comparative and Cross-National Perspectives. Chicago, 1997. P. 4–5, et al.*

⁴⁰ А если изобретаются, то с плачевными последствиями. См. самонадеянную попытку такого рода (авторы даже в сносках не упоминают

М. Фуко и других признанных авторитетов криминальной социологии): *Gottfredson M.R., Hirschi T. A General Theory of Crime*. Stanford, CA., 1990.

⁴¹ *Bussman Kai-D. Variation, Selection and Stabilization: An Evolutionary Theory of Crime and Control* // Susanne Karstedt and Kai-D. Bussman (eds). *Social Dynamics of Crime and Control: New Theories for a World in Transition*. Oxford and Portland, Oregon, 2000. P. 244.

⁴² *Ibid.* P. 251.

⁴³ *Ibid.* P. 253.

⁴⁴ *Parsons T.* Op. cit. P. 250, et al.

⁴⁵ См., напр.: *Sorokin P. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. N.Y., London, 1947. P. 371–372, et al.

⁴⁶ В конце 1970-х годов так называемая «Брюссельская школа» (или школа Пригожина) сформулировала основной постулат нового понимания динамических процессов в открытых системах: «Состояние неравновесия может быть источником порядка». См.: *Nicolis G., Prigogine I. Self-Organization in Nonequilibrium Systems: From Dissipative Structures to Order through Fluctuations*. N.Y., London, Sydney, Toronto, 1977. P. 3.

Опираясь на исследования сложных химических процессов и теорию информации, коллеги Пригожина концептуализировали состояние хаоса, неравновесия как норму для открытых систем (для Парсонса это как раз исключение и *девиация*), которая порождает структурированный порядок в результате эволюции и отбора: «Мы оказываемся в мире, в котором обратимость и детерминизм находят применение лишь в ограниченных, простых случаях, в то время как необратимость и случайность являются правилом... Существование неустойчивости может рассматриваться как результат флуктуации, которая сначала обнаруживается в небольшой части системы, а затем распространяется и ведет к новому макроскопическому состоянию». – *Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. London, 1985. P. 8, 178.

В дальнейшем теория самоорганизации, постоянного возникновения «порядка из хаоса» была адаптирована к социальным системам, для которых она оказалась едва ли не более подходящей, чем для природных явлений. Ср.: «...естественно предположить, что динамические модели, допускающие эволюцию и изменение, должны быть наиболее адекватны в случае социальной системы. Динамическая модель человеческого общества исходит из осознания, что, в дополнение к ее внутренней структуре, система прочно укоренена в окружающей среде, с которой она обменивается материей, энергией и информацией... Эволюция такой системы является взаимодействием между поведением ее акторов и навязываемыми окружающей средой ограничениями. Именно здесь человеческая система обнаруживает свою уникальную специфику. В от-

личие от молекул, действующих элементов физико-химических систем, и даже муравьев... человеческие существа формируют индивидуальные проекты и желания». – *Nicolis G., Prigogine I. Exploring Complexity: An Introduction*. N.Y., 1989. P. 238.

⁴⁷ Более того, в ситуации политического вакуума масштабы самоорганизации общества на принципах «примитивной экономики права» принимают характер альтернативной государственной структуры, когда система, основанная на принципах дружбы и родства, старейшин и полевых командиров, начинает контролировать огромные территории.

⁴⁸ *Skaperdas S., Syropoulos C. Gangs as Primitive States / Research Paper*. University of California, Irvine, 1993. P. 4.

⁴⁹ Одновременно делаются попытки применить модели синергетики и нелинейного развития к проблеме интерпретации криминального поведения и психологии преступника. Продолжающие традицию Парсонса попытки такого рода пока не привели к интересным результатам и новому пониманию проблемы, помимо перевода традиционных схем девиантного поведения на язык теории самоорганизации и неустойчивого равновесия открытых систем. См., напр.: *Walters Glenn D. Crime and Chaos: Applying Nonlinear Dynamic Principles to Problems in Criminology* // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 1999. Vol. 43, No. 2. P. 134–153.

⁵⁰ *Hobsbaum Eric J. Bandits*. Revised Edition. New York, 1981. P. 17, 18.

⁵¹ См., напр.: *Blok A. «Social Banditry Reconsidered» & «Bandits and Boundaries: Robber Bands and Secret Societies on the Dutch frontier (1730–1778)»* // *Anton Blok. Honor and Violence*. Cambridge, UK & Malden, MA, 2001. P. 14–43.

⁵² *Ковалевский П.И. Психология преступника по русской литературе о каторге*. СПб., 1900. С. 110.

⁵³ См.: Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в 1907 году в судебных учреждениях, действующих на основании уставов императора Александра II. СПб., 1910. С. 42.

⁵⁴ Там же. С. 43.

⁵⁵ *Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. P. 77.

⁵⁶ Основным «еврейским грехом» в черте оседлости считалась контрабанда. Еврейские авторы признавали обоснованность этого обвинения, но доказывали на основании официальной статистики, что процент евреев, уличенных в контрабанде, соответствует или даже меньше пропорции еврейского населения в пограничных областях. Ср.: *Гольдберг Б. Еврейская контрабанда в цифровом освещении* // *Еврейская жизнь*. 1904. № 10. С. 120–124; *Байрау Д. Бахус в России* // П.А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 359.

В то же время разрозненные публикации в российских еврейских изданиях свидетельствуют о том, что при всей своей дискурсивной эксцентричности и маргинальности феномен еврейского насильника все же существовал в реальной жизни черты оседлости и что, возможно, систематический поиск свидетельств и анализ источников смогут реконструировать эту неизученную/замалчиваемую страницу российской еврейской истории. См., напр.: *Гинзбург С.М. Еврей-разбойник // Еврейский Альманах. Художественный и литературно-критический сборник под ред. Б.И. Кауфмана и И.А. Клеймана. Пг. —М., 1923. С. 125–133.*

Помимо еврейской экономической преступности, о которой кое-что известно, и совершенно не изученных преступлений против личности среди евреев черты оседлости, распространенной формой девиантного внутриобщинного поведения было насилие, вызванное религиозными разногласиями, которое, как правило, не классифицировалось как уголовный деликт. Я благодарен Джону Клиеру, который обратил мое внимание на этот важный феномен: евреи часто принимали участие в насильственных действиях по отношению друг к другу (например, хасиды и миснагеды). Характерно, что одним из первых внутриобщинных скандалов в начале истории одесских евреев было избиение непонравившегося раввина; это событие обычно не рассматривается в плоскости уголовного деликта, однако оно предвосхитило позднейшие эпизоды внутриобщинного насилия. См.: *Zipperstein Steve J. Jewish Enlightenment in Odessa: Cultural Characteristics, 1794–1871 // Jewish Social Studies. 1982. Vol. XLIV. No. 1. P. 19–36.*

⁵⁷ По данным переписи 1897 г., подданные иностранных государств составляли почти 5% (20 000 человек) населения Одессы. См.: *Weinberg R. The Revolution of 1905 in Odessa. Bloomington, 1993. P. 12.*

⁵⁸ Такие важные показатели статуса этноконфессиональных групп в полиэтничном городе, как количество и пространственное расположение культовых зданий, самым радикальным образом выделяют Одессу на фоне других городов империи: накануне Первой мировой войны в Одессе действовали 21 православный храм и 16 синагог и крупных молитвенных домов, причем располагались они не в ограниченном пространстве «гетто», а по всему городу, в том числе и в самом его центре — коммерческом и официальном. См.: *Вся торгово-промышленная Одесса на 1914 г. Одесса, 1913. С. 35.*

⁵⁹ ЦГИАУ. Ф. 385. Одесское жандармское управление. Ед. хр. 106. Донесения помощника Одесского полицмейстера — заведующего сыскной частью об убийствах, грабежах и других происшествиях по гор. Одессе. 2 января 1912 — 30 декабря 1914 г. Л. 89об.

⁶⁰ Там же. Л. 68.

⁶¹ Там же. Л. 64об.

⁶² Там же. Л. 32об.

⁶³ См.: *Zipperstein Steve J. Op. cit.*

⁶⁴ *Бедовый. Дневник // Маленький одесский листок. 1915. № 52. 24 августа. С. 3.*

⁶⁵ «Маленький одесский листок», дочернее издание популярного «Одесского листка» под редакцией С.М. Навроцкой, не являлся откровенно «проеврейской» газетой, незначительна была в нем и доля «еврейской» рекламы.

⁶⁶ *Бедовый. Дневник: За необдуманную фразу // Маленький одесский листок. 1915. № 54. 26 августа. С. 3.*